

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: БОРТ 556. Мистико-приключенческий триллер. Экранная версия. Серия 2 (Только для взрослых)

Новое пристанище Ночь выдалась достаточно ветренная. Как раз после того брошенного нами атолла. Стоял попутный свежий бриз с резкими порывами ветра. И

приходилось автоматике переключать паруса справа налево и обратно. Они с громким хлопанием натянутой полусферой парусины перенаправлялись в нужном направлении на мачте яхты. Кливера были так натянуты на нейлоновых тросах, что казалось, оторвутся в любой момент. Ветер был сильным, и мы летели как пуля, по ночному океану, задраив все оконные иллюминаторы от брызг.

Теперь наша яхта, рассекая днищем и угловым острым килем с шумом океанскую волну, проносилась мимо множества малых заросших густой растительностью островов. Уже встали на крыло чайки и буревестники с криком провожая нас и пролетая над нами.

Снова десять часов утра и Дэниелом были заряжены глубоко над самим килем в водонепроницаемом отсеке аккумуляторы и генератор с батареями в компьютерном отсеке, за счет работы двух временно заведенных вхолостую здесь стоящих двигателей.

— Нас тоже искать никто не станет — произнес, перекрикивая шум чаек и волн громко Дэниел. Если мы исчезнем в океане! Даже дядя Джонни Маквэлл. Если мы исчезнем, то ему это даже на руку. С него как с гуся вода все сойдет и все концы в воду. Если мы где-нибудь растворимся в океане. Все будут чистые и гладкие. Все обставят как очередной несчастный случай — он передал мне рули управления яхтой и пошел вниз в трюм на отдых. Я сменил его и стоял оперевшись о приборную панель, взяв у Дэниела армейский бинокль, смотрел через него по сторонам в океан.

Дэниел унес все оружие снова в трюм нашего круизного скоростного судна, и Арабелла превратилась снова в обычную круизную яхту среднего класса, как я позже определил по классификации судов.

Я как бы возвращаюсь немного назад описывая нашу Арабеллу, то есть Арабеллу. Раньше у меня не было на это время. Вот теперь пока я был здесь один, мне стоило осмотреть ее всю, любуясь оснасткой красивой, как и моя любовница Джейн, этой мореходной полуавтоматической яхтой.

Мне ничего не надо было делать. Я просто стоял и зырил в бинокль по сторонам. Штурвал сам крутился то вправо, то влево. А я лишь иногда посматривал за компасом и приборами на приборной панели Арабеллы.

Дэниел научил меня компьютерному управлению яхтой. Это было совсем не сложно. Я врубился махом практически во все. Да и Дэниел парень оказался терпеливый как педагог и толковый.

Одним словом я освоился в управлении нашей Арабеллой не хуже Дэни. И вот я смотрел во все глаза по кругу в армейский бинокль. В

случае появления на горизонте земли или снова черной яхты, где-нибудь по корме. Я должен был подать сигнал и тогда снова придется приложить немало усилий, чтобы потеряться в океане от преследователей.

Это было бы весьма сложно. Необходимо было иметь перевес в скорости перед противником. Но по всему было видно, что тот самый противник отставал в скорости от нас умышленно. Он,

то догонял, то прятался за горизонт среза воды. Даже исчезал его парус на самой высокой из мачт. Уходил практически целиком, что говорило об опытности капитана черной яхты и знания расстояния до своей цели. Каковой и являлись мы. Он выдерживал строго и четко расстояние, и ловко маскировался в дальних волнах. И его практически не было возможности рассмотреть на такой дистанции даже в армейский бинокль.

Мы были вновь в открытом океане и шли полным ходом к своей цели. Арабелла резала крутым и острым своим волнорезом форштевня встречную на ее пути океанскую синюю воду. Она, двигаясь по ровной как стеклышко серебрящейся на свету яркого солнца воде. На крейсерской своей скорости, рассекая эту гладь и оставляя после себя большие по сторонам за кормой волны.

Внизу где-то там, в палубной иллюминаторной надстройке в трюме в каюте Джейн снова грохотала ее рок-музыка. «SKID ROW» сотрясал все каюты там внизу и переборки до самых бортов. И моя ненаглядная любовница суетилась то, на кухне, то в своей каюте бегая туда и обратно, прибираясь на нашей яхте. Дэни решил заняться тем армейским своим арсеналом. Его чисткой и переборкой.

Мы были на пути к большим песчаным и безымянным островам в индонезийском архипелаге. Гораздо южнее, чем кто-либо бывал здесь.

Как сказал Дэниел, мы будем здесь вообще редкими вкраце, гостями местного населения, которое очень редко видит кого из иной цивилизации. Но вроде бы племена местных там живущих в основном

ловцов жемчуга и рыбаков по состоянию своего аборигенского характера более, менее дружелюбны к гостям посетителям. Они по слухам хорошо встречают гостей и устраивают целые по такому случаю праздники.

— Случаем не людоеды?! — спросил я, громко стоя вместе с ним у штурвала сейчас Арабеллы — Подозрительна мне такая вот дружба.

Тот рассмеялся и ответил — Нет, не бойся Володя. Есть нас не будут и это точно. А вот накормят деликатесами своих островов и рыбой у костра без сомнения. Мы редкие гости, и они относятся к гостям нормально. Если гости сами нормальные. Они, как и большинство островитян, мирные граждане своей островной республики. У них свои традиции и обязанности. Нам надо перекантоваться здесь не долго — он посмотрел в сторону на океан и продолжил — Я раньше бывал тут. Ты не поверишь, но кое-кого здесь уже знаю, если меня здесь не забыли. Мне знакомы эти районы по дайвингу. Я был здесь чартером с коллегами по работе на отдыхе и знаю местных и эти острова. И не только по морским картам. Джейн тут ни разу не была и, как и ты будет первой.

Островитяне

Практически прошли еще одни сутки в океане. Наступало новое утро.

Двенадцать двадцать по корабельному времени.

Я, одевшись, выглянул, открыв оконный иллюминатор окна свежему утреннему ветреному океанскому бризу, посмотрел на еще висящую в заревом светлеющем стремительно небе луну, заботливо закрыл

иллюминатор каютного окна, оставив свою, в постели ненаглядную слабую еще больную и крепко спящую Джейн, снова стоял на палубе Арабеллы у штурвала, сменив Дэниела, и следил по приборам за курсом нашей яхты. Было часов шесть. И солнце, подымалось вверх,

медленно отрываясь от кромки океана.

Дэни подарил мне, как обещал бритву и некоторую одежду из своего личного гардероба. И я уже бритый и свежий после принятого душа нес очередную вахту за рулями нашей яхты Арабеллы.

Пошумев внизу рок-музыкой, как всегда тоже после принятого душа, переодев купальник с цветного полосатого на желтый. В темных очках, осторожно ступая, босыми голыми переливающимися на ярком солнце почти в черном загаре ножками по ступенькам трюмной лестницы, из кают поднялась Джейн на покрытую красным деревом палубу.

В ее голых таких же загоревших девичьих руках и маленьких красивых, как и ее моей любвеобильной мулатки латиноамериканки, пальчиках был разнос дымящегося на ветреном порывистом воздухе Тихого океана с чашками горячего шоколада. Вручив мне горячий вкусный напиток, поцеловав меня в губы, Джейн прошла, виляя упругой загорелой до черноты своей полненькой задницей и крутыми бедрами безумно красивой горячей, как и этот горячий шоколад сучки к носу нашего быстроходного судна, где угостила и Денни тем шоколадом. Моя Джейн Морган из своих длинных локонов черных смоляного цвета вьющихся змеями волос сделала хвостик, развивающийся на сильном ветру во все стороны. Первый раз и так ей это шло. Как и этот на смену цветному полосатому, ее желтый купальник. Жаль белый тот она выбросила, но он был испачкан безнадежно ее истерзанной моим возбужденным торчащим как стальной стержень членом промежности кровью.

Она встала рядом с братом, который был только в одних коротких светлого цвета шортах на утреннем ветру и на самом ее носу у волнореза под надутыми до предела ветром косыми треугольными кливерами. С распущенными на ветру черными смоляного цвета вьющимися, как змеи волосами, встала специально и для меня. Перед моими глазами, чтобы быть все время на виду. Она выгнулась в спине под натянутой до отказа на ветру белого цвета парусиной, выпятив вперед свой загорелый до угольной черноты ее девичьих округлых, как и ее ножек ягодиц и лобка голый девичий прелестный загорелый такой же с круглым красивым пупком животик. Подставив яркому утреннему встающему на заре тропическому солнцу свою пышную трепетную в дыхании почти голую в лифчике купальника женскую мною многократно искусанную и исцелованную прошлой вновь ночью с торчащими черными сосками пышную трепещущую в жарком знойном летнем дыхании грудь. Джейн прошла вихляя загорелыми крутыми изящными бедрами вдоль качающегося на волнах борта нашей яхты ко мне, и я обнял ее вокруг девичьей тонкой шеи за женские загорелые плечи, ощущая кончиками своих мужских пальцев жар девичьего загорелого любвеобильного девичьего тела, показывая появившиеся на горизонте острова.

Дэниел пропал где-то внизу яхты. Он, сунув в руки мне свой армейский бинокль, быстро глянув на панель управления нашим мореходным и быстроходным судном, на его компас, нырнул в каютный трюм и исчез там, не показываясь наружу.

Я подумал, может тоже нырнул в утренний, душ или, наверное, проверяет маршрут следования по картам и компьютеру.

Впереди показалась полоска земли. Там впереди нашей яхты. Это были вновь острова. Те самые острова, о которых говорил Дэни.

— Земля! — крикнула стоя мне на носу яхты, моя красавица Джейн — Ура! — она была в потрясающем настроении после нашей с ней ночи.

Джейн стояла на носу Арабеллы и размахивала левой рукой, сняв с черноволосой девичьей

головки красную свою бейсболку, держась крепко пальчиками правой за натянутые нейлоновые прочные тросы выгнувшихся от ветра парусов. А я любовался своей божественной любовью и тоже был счастлив, глядя на нее, на мою американку Джейн.

Острова росли прямо на глазах. Из туманного и мутного голубоватого силуэта на горизонте они обрисовывались постепенно в более прорисованные волшебной природой океана, постепенно обрастая растительностью.

Через какое-то время начался штиль. Полный штиль. Ни ветерка. Наши белые из парусины паруса все обвисли, и были теперь совершенно бесполезны, свисая и лишь слегка колыхаясь на слабом океаническом ветерке, идущем со стороны Тихого океана.

Мы не успели дойти до островов на парусах, и пришлось включить двигатели. Оба мотора на полный ход и Арабелла затряслась всем корпусом и понеслась по волнам в направлении зеленеющих на горизонте островов.

Мы приближались к Гвинейскому обширному архипелагу. К целой серии тихоокеанских разбросанных по нему вплоть до самого экватора островов. Дэниел, поднявшись тоже на горячую от солнца палубу, сзади меня, задрал на загорелый лоб и кучерявые черные волосы, солнечные очки, копался в моторе, наблюдая за его работой, так как что-то застучало внутри его правого двигательного агрегата. И двигатель встал, задымив, и Дэниел его вырубил тут же.

— Заклинило — произнес Дэни — Подшипники рассыпались внутри и вал с пропеллером заклинило! Будь оно не ладно! — ругнулся по-своему Дэни.

— Это серьезно Дэниел — произнес я как знающий моторист затонувшего своего судна.

— Я знаю — ответил тот — Дальше пока никуда не поплывем, пока не наладим движок.

Надо было встать на ремонт. И Дэниел просил меня ему помочь. Я без слов согласился, дабы был механиком машинистом в машинном отделении погибшего своего сгоревшего и затонувшего судна «KATRIN DYUPON».

— Без вопросов Дэни! — произнес ему громко я — Надо, значит надо!

Я залез в технический кормовой трюм нашей яхты и мы попробовали запустить правый забарахливший внезапно двигатель. Но было

бесполезно. Там разлетелся подшипник на валу, и погнуло сам вал. И его начало клинить. Пошел нагрев и Дэниел правый двигательный агрегат отключил совсем, как и правый его пятилопастной пропеллер.

— Надо дойти до берега! — он прокричал мне — А то нас унесет течением! Без ветра и мотора точно утащит в сторону!

— А якорем не зацепиться?! — крикнул ему я — Цепь метров на пятьсот!

— Нет! — он ответил — Дна не достанем! Здесь еще более чем глубоко! Надо дотянуть до островов! Там и встанем на ремонт! — он посмотрел назад в сторону открытого океана через корму Арабеллы — Здесь нельзя

дрейфовать! А нам тем более! Эти гады, где-то сзади и надо затеряться среди этих островов! Хотя бы на сутки!

***

Под неугомонный крик альбатросов и чаек Арабелла легла в полный дрейф. Ветра не было совсем, и на воде был полный штиль. Мы еле доскреблись до крайних двух островов из целого архипелага и вошли в узкую бухту между островами, мелкую, из-за обилия кораллов, заросшую ими, как и атоллы.

Мы встали недалеко от самого берега одного из островов, на котором располагались поселения местных жителей, состоящие из маленьких домиков на деревянных столбиках, сплетенных из прутьев с соломенной или пальмовой крышей. Точнее покрытых пальмовыми листьями на самом берегу, и на воде. Наша Арабелла, гремя левым двигателем и рабочим пятилопастным пропеллером, дошла до песчаного покрытого пальмами берега одного из населенных аборигенами островов.

Видно было, как из полу соломенных хижин повыскакивали местные полуголые рыбаки туземцы и показывали на нас руками, что-то галдели. Вместе с женами и детьми. Они побежали по длинному песчаному из белого кораллового песка берегу по направлению к нам. — Вот любопытные! — удивленно произнесла моя красавица Джейн, поправляя вновь одетую красную бейсболку — Забегали как ненормальные! Дэниел молча, докрутил штурвал, стоя рядом со мной у приборной панели яхты и выключил один работающий левый двигатель Арабеллы.

Яхта на одном винте и на ровном киле, дошла почти до самого берега бухты и я, добежав до носа, где стояла, наблюдая за местными жителями держась за тросы обвисших на безветрии кливеров Джейн, дернув за рычаг стопора якорной лебедки, выбросил рабочий за борт левый на цепи якорь. Цепь громко зашумела, разматываясь, и якорь плюхнулся в воду у самого носа Арабеллы. И достал до дна. Цепь ослабла, и яхта зацепилась за дно им встала на прикол под вновь натянувшейся цепью влекомая легким в бухте течением со стороны океана.

— Интересно, какая здесь глубина? — произнесла негромко Джейн — Я хотела бы здесь одна поплавать — она посмотрела, не отрываясь мне в глаза своими обворожительными любовницы черными глазами.

— Я думаю, еще поплаваешь — ответил ей, подходя со стороны спины Дэниел — Поправишься и поплаваешь. Нам надо на берег к местным. Я знаю у них можно отыскать кое какие детали для Арабеллы. Мне надо пообщаться с туземцами. Они рыбаки и знают что и почему.

— А они видимо и не такие уж совсем туземцы — произнесла Джейн.

— Да и видно, не такие, уж не цивилизованные совсем — добавил я.

— Да наша техническая цивилизация и сюда добралась и оставила свой след на местных поселениях! — произнес громко Дэни.

Он теперь в одиночку подготавливал к спуску резиновый скутер на краю борта Арабеллы, подвешенный, на малой лебедке, еще нами в океане боком на правой стороне нашей яхты. Денни прикрепил сзади его винтовой небольшой, но мощный лодочный мотор и выровнял резиновую лодку днищем к самой воде.

— Интересно помнят они меня еще или уже нет? — он спрыгнул в подвешенную к борту нашей яхты на лебедке резиновую лодку и нажал на спуск — Я один сплаваю и поговорю с местными, они не должны уж совсем меня не помнить. Прошлый раз со своими пацанами, я тут

хорошо погулял и поплавал. Помню еще тут все вокруг. Надо со старшим острова пообщаться и местными лодочными механиками.

Дэниел завел движок скутера и поплыл к берегу. Мы остались на Арабелле вдвоем с моей Джейн. Она подошла ко мне и обняла меня за голый, как и прежде загоревший почти, как и она, мужской мускулистый торс. Я обнял ее за загоревшие до черноты девичьи плечи и прижал к себе. Джейн прислонила сбоку свою ко мне чернявую в длинном хвостике

вьющимися, словно змеи волосами девичью головку. Мы смотрел оба на отплывающего от яхты Дэниела. — Как я хочу снова купаться Володя — произнесла моя Джейн — Интересно он надолго? — она тут же спросила, как бы у самой себя. Глядя на плывущего к берегу на моторной резиновой лодке Дэниела. Скутер шумно трещал подвешенным сзади маленьким водным мотором и Дэниел уже вскоре достиг прибрежной кромки берега и затащил его на самый берег перед стоящими местными поселянами аборигенами острова. Видно было он с ними общался, подойдя видимо к старшему из местных рыбаков. О чем-то их спрашивал, жестикулируя и объясняя на руках показывая на нас и яхту. Те в ответ ему что-то тоже говорили на своем языке. Было слышно громкую их речь, которая была нам совершенно непонятна.

Мы с моей Джейн, переоделись по-быстрому в одежду, чтобы не голышом щеголять по берегу, среди местного населения. Джейн в желтую свою майку с какой-то нелепой картинкой, джинсовые короткие

выше колен шорты и красную бейсболку. Я в свои матросские штаны и цветную рубашку подаренную мне Дэниелом.

Вскоре он вернулся назад, а местные островитяне разошлись по домам. Видимо Дэниел смог договориться о чем-то на своем английском языке и жестах с рыбаками индейцами этого большого заросшего густыми тропическими зелеными и непроходимыми джунглями песчаного по самому берегу острова.

Дэни подплыл назад на скутере к яхте и прокричал нам — Все в порядке! Можно сегодня заняться починкой двигателя яхты. Я нашел то, что искал. Даже больше! — он показал на пальмовую деревню на деревянных столбах — Местные дадут все, что нужно. Они еще помнят меня. И механик тоже будет из местных! Тут есть свои самоучки механики специалисты!

Дэниел поднялся на борт Арабеллы и поднял бортовой малой лебедкой назад резиновую с мотором лодку. И подняв правый якорь медленно перегнал Арабеллу на притань бросив левый бортовой якорь

на длинной цепи и привязав Арабеллу к пристани нейлоновыми лебедочными веревками.

Он сам был как туземец и довольно был похож на местных. В одних светлых коротких до колен шортах. Загорелый, как и моя Джейн. До угольной почти черноты, и сам черноволосый с вьющимися, как и его сестренки кучеряшками волос на своей голове. Чем ни местный.

Возможно, это и помогало в общении с местными племенами островитян. В какой-то степени он был похож на своих. Хотя и был иноземец для них, как и мы.

***

Мы целый день провели среди островитян. Здесь было много ребятишек. Очень много голопузой детворы. Они так и крутились вокруг меня и Джейн. Рассматривая мои белые матросские штаны и рубашку Дэниела. И шорты моей Джейн ее красную с большим козырьком бейсболку и ее футболку желтого с нагрудной картинкой цвета. Когда мы тоже спустились на песчаный берег острова.

— Как здесь здорово Володя! — произнесла восторженно Джейн, глядя вокруг и на меня. Она держала за руки некоторых маленьких голопопых

подпрыгивающих рядом с ней ребятишек. Я взял одного из самых маленьких на руки.

Мы шли с Джейн в окружении крикливой на разные голоса детворы. Шли до самой деревни рыбаков и ловцов жемчуга. На нас смотрели женщины и их мужья, стоя и оглядываясь на нас идущих к ним в береговое селение.

Это одно из многочисленных селений на этих больших заросших островными в глубине джунглями островах.

Нас приютили в одном из жилищ у местной одинокой пожилой женщины, и моя Джейн как женщина с женщиной быстро нашла с ней язык. Она подарила ей бусы из своей коллекции сокровищ и из золота колечко с бриллиантом. Из того богатства женских украшений нашей цивилизации, что было у нее в ее корабельной каюте.

Та подарила Джейн тоже украшения на память из местного сокровища их острова. Ожерелье из большого жемчуга и костяные браслеты индейцев из местной фауны.

Мы были приглашены вскоре, как оказывается на местный праздник. Это что-то вроде дня рыбака. Что-то по-нашему по-русски и не совсем.

То есть свое местное спиртное из кокосовых пальм и еще чего-то. Много всякой местной закуски, ну и конечно танцы до-упаду, под

местную туземную музыку. Барабаны и какие-то деревянные из тростника дудки. Но это будет потом, чуть позже, а пока мы просто

были гостями и успели перезнакомиться со всеми местными селянами островов. Пока Дэниел чинил с местными механиками двигатель яхты, мы бродили по острову в качестве гостей, и Джейн, забросив свой на яхте кассетный магнитофон, то и дело купалась в местной коралловой лагуне вместе с морскими черепаками.

Джейн, здесь быстро поправилась и действительно была еще та пловчиха, как говорил Дэни. Я и не знал о такой ее способности, пока не увидел своими глазами. Дэниел не зря мне сказал о ее способностях более глубокого погружения. Она и без баллонов хорошо и глубоко ныряла, надев только подводные часы, ласты и свинцовый

противовес. Я был ошеломлен ее такой способностью подводного ныряния. Одевшись в свой легкий костюм, для ныряния Джейн надев одну маску просто ныряла, на глубину местной лагуны играя с коралловыми рыбами.

Или просто в одном своем новом полосатом или желтом купальнике, плавала, мелькая под водой своей загоревшей до черноты полуголой изящной девичьей фигурой вокруг прибрежных рифов, любуясь подводной природой этих чудесных островов.

Я лишь с надувной резиновой лодки наблюдал за ней. За ее такими вот ныряниями, не переставая любоваться своей красавицей русалкой.

Одевшись в акваланг, помогал ей, наблюдая под водой ее, страхуя в погружениях. Пока Дэниел с островной командой механиков занимался подготовкой яхты, мы старались не вмешиваться в их дела на борту

Арабеллы. Мы просто отдыхали и все, наслаждаясь друг другом. Иногда играя с местными ребятишками в их местные игры.

Джейн как ребенок веселилась, забыв обо всем, вовлекая и меня в те детские молодые игры юных островитян.

Ей было все здесь интересно. Сама жизнь туземцев рыбаков. И островная природа. Именно островная природа этих лежащих близко друг к другу островов. Было много фауны. Обезьяны там попугаи разных видов. Были красивые цветы и даже птицы, разноцветные по окраске, яркие, гомонящие среди тех цветов и пальм у самой кромки прибрежной воды. Действительно природа здесь была красивая. Особенно коралловая лагуна и вся из-под прозрачной воды виднеющаяся прибрежная возвышенность, выступающая с больших глубин океана.

Берег был почти до самой воды утыкан кокосовыми пальмами и прочей растительностью тропиков.

Помню моя Джейн, обходя под водой коралловую банку барьерного рифа, наткнулась на останки какого-то старинного судна. Я тогда в акваланге подстраховывал ее и следовал за ней на резиновой лодке до самого края бухты. До резкого обрыва на километровые глубины и моя любимая русалка выплыла за край этого барьера, повиснув над океанской бездной.

Она потом вынырнула и прокричала радостно, что обнаружила что-то похожее на дерево заросшее водорослями и кораллами на самом краю

обрыва. Там еще была старинная пушка, торчащая из толщи разноцветных полипов.

Прямо перед лицом. Джейн радостная поднялась сразу к нашей резиновой лодке, сообщив мне радостную новость, приглашая с собой

под воду. Но я отказался тогда от этой затеи и сказал Джейн, что пора уже возвращаться на берег.

Мы были далеко от берега, и я немного нервничал и переживал за нас обоих в прибойной зоне кораллового острова. Уже пора было вернуться назад, и я сказал Джейн об этом.

— Наверное, Дэни уже починил двигатель — сказал я ей — Пора, любимая, уже домой на нашу Арабеллу.

Но Джейн не слушая меня, надев на свое миленькое девичье личико маску, снова нырнула куда-то в глубину. Наверное, к той старинной корабельной пушке вросшей в коралловый риф.

— «Вот чертовка!» — подумал я — «Моя красавица чертовка!». Вскоре она снова вынырнула, держа в руке в своих маленьких красивых девичьих пальчиках что-то. Джейн протянула мне что-то похожее на какой-то или чей-то медальон. Он был из золота. На длинной золотой цепочке. — Джейн! — радостно прокричал я своей любовнице пловчихе — Ты нашла клад! Вот Денни обрадуется! Ты за ним и ныряла?!

— Вот возьми — выплюнув мундштук шланга, и задрав на свой загорелый девичий лоб маску, произнесла она, тяжело дыша от нагрузки на легкие

под водой. Джейн отдала медальон мне — Я сначала не хотела его брать. Потом решила все же взять. Это с подводного кладбища — Джейн снимала с себя прямо в воде со смесью кислорода и гелия баллоны, отдавая мне их, и я их, вытащив из воды, положил рядом с собой и подал руку своей пловчихе любовнице.

— Может это не хорошо, но все же — она тихо с трудом в голосе это произнесла, смотря мне в глаза и подтягиваясь из воды на моей руке.

— Покажем это Дэниелу? — произнес я, восхищенный находкой. Вытаскивая Джейн из воды на лодку и шлепая ее по круглой полуголой в узких желтых плавках женской загорелой как смоль упругой попке. Она, в ответ, отшлепала меня мокрыми руками по моим проказника мужским рукам. Соскользнув внутрь лодки своим голым мокрым в воде таким же, как и ее руки загоревшим до черноты животом, Джейн забросила изящные свои крутобедрые босые с маленькими ступнями и пальчиками в ластах девичьи ноги. От самого выреза желтых плавков в бронзовом черном отливе загара. Поджав их под себя, она отсела к носу скутера.

— Не успеешь, что, ли! — взвизгнув от моей сексуальной шалости и дико смеясь, произнесла моя Джейн — Давай лучше заводи мотор и поехали отсюда! — она снимала часы и ласты —

Пора в душ, я вся просолилась в

этой воде. Да и тебе не мешало, бы, окунуться — сказала она мне — Сидишь уже весь мокрый

от этого солнечного жарева.

Джейн задышала тяжело уставшей от долгого плавания под водой трепетной полуголой загоревшей до черноты грудью в своем купальном желтом мокром, как и плавки лифчике. Она вся мокрая сидела на носу нашего резинового моторного скутера снова облешленная, как и тогда ночью после купания длинными черными по голой и гибкой черной от загара узкой девичьей спине вьющимися и черными как смоль змеящимися по ее плечам и спине волосами. Джейн смотрела вперед по курсу летящего по воде скутера в сторону острова. И мы, на полной скорости, разгоняя резиновым днищем своей моторной лодки под собой воду лагуны, устремились обратно к берегу к своей яхте и к хижинам рыбаков островитян.

Дэниел как раз починил правый двигатель нашей яхты, вместе с местными знакомыми ему механиками. Он заменил вповеденных при вращении на разбитом подшипнике вал и переставил назад

пятилопастной пропеллер. Дэни сделал свою работу просто на отлично. И довольный, и радостный встречал нас на борту Арабеллы. Он до заправил в ее бортовых баках горючим топливом и дополнительно в большие еще на Арабелле находящиеся канистры.

Вместе с островитянами, своими помощниками он поднял нас на борт нашей яхты и, оставив меня и Джейн одних на яхте, удалился со своей ремонтной туземной компанией в местную прибрежную деревню.

Он считал, что выполнил свои обязанности и теперь имел право на заслуженный отдых в компании своих туземцев друзей.

— Что ж — сказала Джейн — Его право он заслужил, пока мы прохлаждались без дела по лагуне с тобой любимой. Денни сказал, что тут намечается как раз праздник у местных жителей. Свой особенный праздник, посвященный океану и местной природе. И нас тоже пригласили.

— Денни говорил мне — сказал я Джейн — Что-то вроде дня рыбака и ловца жемчуга. Можем сходить, если хочешь. Дэни говорил, что местные рады будут гостям. И не стоит их обижать.

— Вот и отлично ходим и поспразднуем этот день рыбака и ловца жемчуга вместе с Дэниелом и туземцами — сказала довольная праздными надвигающимися событиями Джейн, бросая свою золотую находку в свою шкатулку драгоценностей — Дни в тропиках длинные и солнце еще долго будет висеть на небосводе и жарить нас. А я уже загорела дальше некуда и пора посидеть, где-нибудь в теньке под вечер у костра и повеселиться.

Действительно хоть уже был вечер, часов где-то, наверное, пять или шесть. Я не смотрел и не сверял в главной каюте нашей яхты, но солнце еще жарило, как надо намереваясь вскоре покинуть небосвод.

Главное Арабелла была теперь в порядке и готова к походу. И мы здесь решили недолго и не особо навязчиво еще погостить, раз нас никто не выпроваживал.

***

— Солнце палит нещадно! — произнесла Джейн — Хоть бы чуть умерило свой пыл. Я уже загорела дальше некуда. Итак, смуглая телом еще и пережарилась на этой яхте до черноты! — она посмотрела на мое голое поверх закатанных до колен летних моряка брюк тело — Тебе бы еще не мешало загореть любовь моя! — она, громко перекрикивая прибой, мне сказала — Скоро будешь, таким же, как и я! — она взяла из своего гардероба длинную белую рубашку на смену

желтой футболке.

Стоял жаркий тропический вечер. И было жутко жарко даже у воды. Ни ветерка со стороны океана. Полный штиль и ни намека на ветер.

Было, похоже, что мы зависли здесь до утра. Но это меня и радовало. Я был счастлив как никогда рядом с моей красавицей Джейн. Мы с

Джейн уже были такими близкими людьми, как будто знали друг друга теперь с рождения. Даже Дэниел был мне уже как родной брат. Я и не замечал, что мы были разных национальностей.

Джейн шла медленно по белому коралловому прибрежному песку в самом прибое. Она, сняв желтую футболку и набросив на себя длинную белую рубашку, шла впереди меня, виляя своим изящным круглым задом

и загоревшими на солнце почти черными бедрами девичьих красивых, как и она сама ног.

Я любовался Джейн, шагая по волнам сзади нее.

Джейн быстро поправилась. За время плавания до этих островов от того песчаного с лагуной атолла она пришла полностью в себя и была в лучшей сексуальной форме как моя любовница.

Я шел, следом. Тоже, надев рубашку. На голый и уже хорошо загорелый за день на тропическом солнце мужской мускулистый торс. Из белой материи в клетку, из того что мне дал Дэниел из своего гардероба, и глядя то на свою Джейн, то на Тихий океан, глаза, и съедая сам ее любовным взглядом с ног до головы невысокую девичью фигурку в легкой короткой одежде. Над нами кружили альбатросы и дико кричали над головой и над волнами в прибое у дальних каменистых скал, выступающих в самую воду впереди нас на островной изогнутой косе за песчаным пляжем.

— Скоро буду как ты — произнес я Джейн — Такой же почти, черный и не отличишь русский я или островитянин.

Джейн засмеялась.

— Ты сейчас еще красивее, чем есть — Произнесла она, мне сверкая из-под черных вздернутых бровей чернотой своих на ярком солнце девичьих глаз — Не сгорел любимый? А то целый день на солнце! — Джейн вдруг забеспокоилась, рассматривая мой на теле уже бронзовый загар.

— Да нет нормально — произнес я ей в ответ — Шумно тут от волн и крика островных и прибрежных птиц.

Действительно крик островных птиц, смешиваясь с криком морских альбатросов и чаек, был уже невыносим.

— Как они в этом гуле живут — произнес, помню я ей.

— Это неважно, зато, как красиво тут! — она восхищалась увиденным — Дэниел бывал тут, а вот я первый раз! — Смотри следы морской черепахи! — восторженно произнесла она.

Джейн показала мне рукой, на следы, уходящие в воду, и распустила свои длинные смоляные по черноте блестящие красивыми локонами на ярком солнце тропиков вьющиеся змеями волосы. Они металась по ветру паря то в воздухе, то падая на ее девичьи, молодой красотки латиноамериканки, узкие загорелые до черноты, как и спина плечи. Моей пышногрудой красотки латиноамериканских кровей идущей не спеша по белоснежному коралловому песку обитаемого острова. Она как никто другой органично вписывалась в этот прибрежный морской пейзаж, как

островитянка из местного населения. Ее угольной черноты загар лоснился в солнечных лучах и бликовал как лакированный в этом ярком вечернем красноватом свете. Он переливался на руках и ногах

Джейн, из-под короткой футболки желтого цвета и коротких плотно облегающих бедра моей красавицы Джейн джинсовых шорт. Она переделалась перед выходом на берег и была снова с ног сшибательно красива как никогда. Похоже, только я один пока еще

органически не очень вписывался в местность и население этого малонаселенного, почти дикого океанского острова. Не то, что я, как чужак на этой земле, резко отличавшийся ото всего здесь не смотря на свой уже почти такой же как и у Джейн загар. А просто я был здесь чужим пока и резко выделялся на фоне всего местного.

Мы были южнее Индонезийских островов. За границей экватора.

Эти острова не имели названий и были сами в океане по себе, как и их местное дружелюбное к пришлым население.

Сюда редко заходили корабли и тем более такие как наша, круизные яхты. Северная часть Индонезийского архипелага была более, менее

обитаема. И туристов, там хватало со всего света. Но здесь мы были в редкость. И местные устроили в нашу честь даже праздник. По приказу местного вождя племени туземцев.

Я первый раз в жизни попробовал какие-то местные вина из разных плодов и растений. Кое-какую деликатесную океаническую рыбу, которую еще не ел в жизни. В целом мне понравилось здесь все и я бы, наверное, остался здесь, если бы не мои друзья и яхта Арабелла. Дэниел поднял местную девочку. И здесь это было в норме и не возбранялось. Мне даже самому предлагали женщину, но у меня была моя красавица Джейн. Я помню, как она отреагировала на это предложение вождя. Ее это возмутило про себя и очень сильно. Но мое на отказ вежливое предложение ее успокоило и вернуло к нормальному настроению.

— Только бы попробовал! — помню, она произнесла — Только бы попробовал закобелиться с местными сучками! — Джейн была, помню в

яростном гневе. Она тыкала меня сидя у костра с племенем индейцев в бок рукой, если я, чуть, чуть как-то одобрительно реагировал на танцы местных молодых девиц или на их попытки активного со мной

общения. Ее черные как ночь широко открытые глаза блестели гневом и сверкали.

— О! Какая ревность! — я произнес — Да ты просто от ревности сумасшедшая!

— Я бы тебе погуляла на сторону! — возмущенно устроила мне проволочку незаслуженно моя любимая Джейн наедине. Она, быстро оставив местную праздничную сходку у костра с племенем подняв меня за собой удалилась с праздника. Джейн меня быстро увела к берегу океана. Вцепившись в руку и прижавшись ко мне боком, она отругала меня за мои взгляды на местных девиц. Это была первая моя можно сказать уже как семейная выволочка. Женщины!

Я был уже для Джейн как собственность. Это в женском стиле. Все они эгоистки и единоличницы, хоть и безумно красивые.

Я даже не делал ни одной попытки на сторону, а она была в неопикуемой ярости от женского ревнивого гнева. Только потому, что

возле нас сидящих крутились молодые совсем еще соплюхи местные аборигенки девицы.

Джейн это и заводило. Она смотрела на их смущенные смешки и заинтересованные взоры на меня иностранца и Джейн это невыносимо как мою любовницу бесило.

— «Моя ревнивица Джейн!» — думал, глядя любовно на свою Джейн, и

вынося смиренно ее тычки в бок девичьим локотком — «Как ты меня заводишь! Даже этой дикой своей бешеной женской ревностью!»

Мы оставили веселиться у костра с местным племенем и девочками нашего Дэниела, и вот мы шли уже по прибою волн у самого берега, разгребая буруны волн босыми и голыми своими ногами.

— «Да дикие первобытные места» — продолжал думать я — «С не очень большим населением островов, живущих как на самом этом острове, так

и в хижинах на самой воде. Стоящих на высоких деревянных из стволов местных деревьев столбах и уходящих далеко от берега в бурлящую океанскую воду».

Здесь также было красиво под водой, как и на том атолле. Также полно коралловых рыб и полно акул. А местное население помимо рыбалки занимается еще и ловлей жемчуга.

В самом океане далеко от берега стояли их хижины, и мы смотрели на них стоящих прямо в океанских бурных волнах.

— Ведь не боятся штормов! — произнес я, громко перебивая шум прибоя впереди идущей моей Джейн и показывая ей рукой на стоящие над самой водой далеко от берега с травяной пальмовой крышей хижины из тростника и досок местных аборигенов рыбаков.

— Они привыкли! — ответила громко моя любимая ревнивица Джейн — Они ко всему привыкли! Как бы я хотела остаться здесь!

— Я тоже! — сказал ей я — Может, останемся после всего здесь?!

— Не против, любимый! — она вдруг, повернувшись, улыбаясь мне в вечернем закате белозубой красивой улыбкой. Как-то совсем по-другому не как раньше — Если перестанешь строить глазки местным девицам!

— Любимая моя Джейн! — я подскочил к ней и обняв прижал к себе — Кроме тебя для меня не существует иных женщин! — я поцеловал ее в ее

преlestные полные женские губы и она поцеловала меня, и еле оторвалась от поцелуя, закатывая глаза под веки и глубоко дыша

придавленной к моей груди своей полной черной от загара твердыми торчащими сосками в белой длинной рубашке грудью. Я обхватил ее за

круглую попку и гибкую как у кошки тонкую талию, ощущая ее пушком придавленный к моему животу ее дрожащий в дыхании девичий черный от загара, как и грудь животик.

— Я построю себе лодку и буду наравне со всеми заниматься рыбалкой и ловлей жемчуга — сказал я — И забуду кто я и откуда.

— Я бы тоже этого хотела — произнесла Джейн.

Джейн была счастлива. Ревность ее ко мне к местным молодым аборигенкам как рукой сняло. Джейн была вспыльчива, как и положе жгучей латиноамериканке, но быстро отходчивой. Вот она уже была

такой, какой была всегда, даже еще красивее. Она просто расцветала от моей к ней безумной, безудержной любви. Моя Джейн! Ее ревность была вполне уместна. Она безумно любила меня и была теперь со мной тесно связана этими узами взаимной любви.

Джейн повернулась снова ко мне — Хорошее место! — сказала громко она — Много горячего песка и чисто. Самое, то! Позагорать на закате и поплавать любимый мой! По плескаться в теплой океанской воде под дуновение свежего ветерка и пение островных птиц.

Джейн отбежала подальше от прибоя выше на берег и освободилась от джинсовых шорт и белой своей длинной рубашки, до полосатого нового своего купальника. Такого же, как был

тот белый ее на тонких ляпочках и замочках, который ей пришлось выбросить как испорченный.

Она была сейчас счастлива и безумно опять в вечернем островном прибрежном этом закате красива. Особенно в лучах заходящего солнца. Почти совершенно голая как морская нимфа. Ее кожа просто переливалась черным угольным загаром на ярком заходящем солнце. Этакая русалка этих песчаных островов, Джейн помчалась мимо меня, дернув за руку, в океанскую соленую воду в самый прибой и нырнула прямо в волны.

Она вынырнула и крикнула, зовя меня к себе в набегающих на песчаный берег волнах.

Я тоже, подбежав к ее лежащей на песке одежде. Сбросил свои единственные закатанные штанинами светлые брюки и бросился в объятия океана и своей любимой соблазнительницы морской

плещущейся и смеющейся от счастья в бурных прибрежных волнах красавицы нимфы. Я бросился в объятия своей любимой Джейн и мы, обнявшись вместе, купались, ныряя в прибой песчаного берега одни на

этом вечернем одиноком под заходящем вечерним быстро садящимся за горизонт ярком солнце. Мы плескались как дети в соленой вечерней и теплой океанской воде не далеко от самого берега.

Казалось, мы были одни в этом мире. Валяясь на горячем вечернем белом коралловом песке, мы даже не замечали местных аборигенов

рыбаков не так далеко от нас в лодках, в стороне, от своих стоящих над водой на деревянных сваях опорах рыбацких хижинах.

Возможно, они видели нас, сидящих на том песке обнявшись и любующихся вечерним закатом, и не обращая на нас особого внимания, занимались своим рыбацким делом.

Это был настоящий Рай. Морской любовный Рай и только наедине со своей любимой Джейн. Солнце садилось, и надо было возвращаться в селение и на свою яхту. Наступала холодная ночь. Уже виднелись звезды на тропическом без

единого облачка океанском небе. Ночь на суше, за долгие месяцы в океане. Я первый раз ступил на сушу, хоть и не свою, но сушу. Мои ноги

ощутили этот горячий коралловый безмянного острова. Как было все здорово! Я был тоже не менее счастлив, песок чужого тропического и как и моя любимая Джейн!

Мы с Джейн были неразлучны теперь. Мы шли, держась за руки и взяв с собой в руки нашу одежду почти голышом назад по воде, прибрежному прибою в сторону селения островитян.

Джейн быстро осваивала русский язык и довольно успешно. Она была просто молодец. Училась прямо на ходу. Она хоть и жутко ломано, но уже говорила со мной по-русски. Время от времени мы иногда общались с ней по-нашему. В общем, молодец моя красавица девочка.

Наступала снова ночь. Было уже наверное двенадцать, но я не смотрел от своей неудержимой любви к моей Джейн на время. Становилось уже темно, и только взошедшая следом за Солнцем яркие мерцающие в черном небе звезды и яркая Луна освещала нам дорогу под звездным тропическим небом. Мы далеко ушли от селения островитян сами того не заметив. И вот надо было идти назад. Было уже часов, наверное, двенадцать. И мы припозднились с приходом.

Дэниел, наверное, заждался нас, а может, и нет. Он тоже с кем-то здесь познакомился на острове и привел на яхту девицу из местных. И мы с Джейн решили не мешать парню, повеселиться ночью на Арабелле.

Мы с моей красавицей Джейн пустились дальше в другую сторону берега острова, любуясь красотами уже ночного мира этих островов.

Джейн не очень, то торопилась расставаться с ночным морским берегом, и мне это тоже было по душе.

Было темно и тихо, и лишь на горизонте светилась пока еще светлая яркая полоска, оставленная зашедшим за его край Солнцем.

Мы шли по берегу в полосе прибоя у самой его кромки, удаляясь вновь от нашей яхты. Мы шли в полной темноте под яркой желтой Луной в ночной темноте и горящими и мерцающими огоньками звездами. Дневной весь шум стих и только громко голосили сверчки. Где-то далеко в прибрежном тропическом лесу.

Джейн прижавшись ко мне, обхватила меня за пояс своей правой девичьей загоревшей до черноты ручкой. Обхватив за мужской торс и пощипывая меня своими маленькими девичьими за подрумяненный на солнце правый бок пальчиками. А я обнял ее за плечо, прижав плотно к себе и, согреваясь, ее женским любящим тепло полуголым загорелым до угольной почти черноты молодым двадцатидевятилетним телом.

Стояла тишина и только был слышен шум прибоя волн. Все кругом спало. Даже затихли все островные галдящие целыми днями птицы.

Джейн захватила бутылку мексиканской Текилы и нашей русской водки с яхты для согрева и немного еды для закуски в виде нарезанного кусками лангуста и местных маленьких красных креветок, подаренных в качестве награды и угощения нам как гостям местными туземцами островного племени и рыбаками. Взяла стеклянные из

толстого стекла маленькие стаканчики, нож с кухонного кубрика, вилки и все это Джейн упаковала в специальную походную из брезента сумку

с борта Арабеллы и отдала ее мне. И вот мы снова брели по прибрежной, пока еще горячей не остывшей от палящего давно уже зашедшего за горизонт Солнца воде.

Я был в одних плавках, а Джейн в своем полосатом цветном на замочках и тоненьких лялочках купальнике. Мы бросили свою одежду на Арабелле, чтобы не таскать лишнее с собой. Наверное, зря. Становилось заметно, прохладно. Ветер, летящий с океана, охлаждал быстро воздух. Он подымал большие буруны прибрежных волн и шевелил пальмовые листья на прибрежных пальмах и листву тропических кустарников и деревьев.

— Надо где-нибудь милый укрыться — сказала мне почти на ухо моя ненаглядная Джейн.

— Я думаю нам лучше вернуться на нашу яхту — ответил ей также на ухо я — А то намерзнемся за ночь.

Я подзагорел сильнее, как и говорила моя Джейн, и чувствовал пощипывание на коже от загара. Я уже был близок к ней по цвету кожи. Заметно поджарился на открытом тропическом Солнце.

Я распечатали бутылку нашей русской водки, прямо стоя в прибрежной бурлящей волнами воде, зажав ее коленками, и выковырял ножом

пробку. Моя Джейн достала из сумки кусочками нарезанного лангуста, и мы глотнули, совсем чуть-чуть, из тех маленьких стеклянных стаканчиков здесь же припасенных моей милой Джейн, закусив им и маленькими красными креветками. Мы повернули назад, и пошли быстрее.

Нам стало веселее от жгучего и горячительного и гораздо теплее.

Тут Джейн увидела недалеко от берега среди прибрежных деревьев на прибрежном склоне

какую-то невысокую, по-видимому, брошенную хижину из пальмовых листьев и сплетенную из прутьев. Как она ее

рассмотрела в почти уже полной темноте наступившей ночи?! Мне не понятно. Было темно, хоть глаз выколи.

Она повела меня туда, взяв за руку почти бегом, радостная от возможности скорого со мной предстоящего страстного секса.

— Там мы и укроемся в темноте и тишине! — сказала, радостно Джейн мне — Я буду греть тебя своим телом милый, а ты меня!

Джейн вошла первой в хижину и позвала меня за собой.

В этой хижине не было уже давно никого, и она была брошенной, но заваленной пальмовыми листьями.

— Это нас спасет от холодной ночи Вова! — произнесла, ласково и нежно, почти шепотом, моя Джейн — Я хочу любви любимый мой! Хочу эту ночь провести здесь с тобой в этой хижине и в этих листьях!

— Как дикари? — произнес я, не мене довольный выбором своей возлюбленной Джейн.

— Именно любимый мой! — сказала она, ложась в листья пальм как на сеновал. Их было здесь много. Возможно, эта рыбацкая хижина аборигенов была здесь построена как некое хранилище этих самых пальмовых листьев. Потому как их тут было под самый не высокий ее потолок и можно было буквально закопаться в эти большие объемистые как опахала листья.

Джейн раскинулась передо мной, упав навзничь, разбросав руки в стороны, и позвала меня к себе, маня с нетерпением дикой жаждущей любви самки теми руками. Я лег к ней, и она забросала нас обоих теми пальмовыми листьями до самой головы. Джейн впилась губами в мои губы и растегнула пальчиками свой полосатый из тонкого почти прозрачного шелка купальника лифчик. Она, сверкая во мраке своими черными, как эта темная звездная холодная ночь переполненными любовными чувствами глазами, сняла его, полностью, подползая на голой черной от загара спине под меня. И подставляя моим губам свои, полные вновь нежные с торчащими в мою сторону крупными черными сосками девичьи, загоревшие как уголь, жаждущие мужских ласк груди.

Этот ее женский запах тела. Смешанный с ароматами пальмовых листьев и свежего океанского в этой избушке воздуха. Этот безумный аромат любовной предстоящей этой ночью между нами неумной и безудержной сумасшедшей сексуальной страсти.

Меня охватил любовный жар, и не было уже ни какого, ночного холода. Нам было жарко вдвоем от наших обнаженных соединившихся в полной темноте под пальмовыми листьями горячих молодых жаждущих любовных только утех тел.

Мы забыли про все на свете в той хижине. Про все, что нас окружает.

Джейн раскинула в стороны свои загоревшие до черноты, изящные по красоте крутыми овалами бедер голые девичьи ноги, сняв перед этим полосатые узкие купальника шелковые плавки, и раскрыла передо мной снова свою под волосатым лобком уже женскую влажную от половых выделений промежность.

— Любимый мой! — она дышала, тяжело и прерывисто желая меня — Люби меня и не думай ни о чем, только обо мне, о своей крошке Джейн!

Я, отбросив в сторону походную с едой и спиртным сумку, снял свои единственные, как и тогда на яхте, с себя плавки и проник своим возбужденным торчащим членом в ту ее промежность. И мы занялись любовью, лаская друг друга, не скрывая своих стонов и криков

от любовной взаимной страсти под большими и широкими пальмовыми листьями. ***

Я прижимал ее к себе и впитывал ее сладостное тепло загорелого нежного женского молодого тела. Тела молодой красивой до дури моей теперь сексуальной до безумия сучки. Я остервенело, не помня себя, как неистовый кобель, тискал и терзал ее за загорелые груди своими стиснутыми в судороге челюстей зубами. Она стонала как безумная и ласкала меня, выгибаясь подо мной как кошка, в гибкой спине в тонкой изящной талии. Вцепившись в мои русые выгоревшие на ярком тропическом солнце моряка волосы, своими стиснутыми в жестокой безумной от любовной оргии хватке девичьими маленькими пальчиками и выпячивая голый пупком черный от загара живот. И упираясь в мой, Джейн сама, скользя из стороны в сторону широким круглым голым задом, насаживалась на мой торчащий как стальной стержень детородный орган. Закатив черные красивые свои глаза, Джейн жадно и взахлеб, целовала меня, прижимая к своей трепещущей от любовного пылкого жара любви груди, одновременно обхватив вокруг шеи голыми загорелыми до черноты девичьими руками.

Теперь она без какой-либо девичьей скромности и опасения, более раскрепощено с жаждой будущего материнства с неистовым остервенением обезумевшей от любви самки изводила в любви себя.

Вцепившись теми пальчиками обеих своих девичьих рук в мои растрепанные русые порядком теперь выгоревшие на жарком тропическом Солнце волосы. Она терзала их безжалостно, схватившись в самом темечке и дергая из стороны в сторону мою всклоченную и растрепанную голову своего безумного от любовных страстей любовника. В состоянии безудержных страстей и сексуального безумства в любовной судороге, закусив свои губы Джейн, стонала и извивалась на моем вонзенном в нее члене как бешенная змея.

Я снова вошел внутрь ее. Все глубже и глубже проникая торчащим своим детородным членом в чрево раскрытого передо мной как цветок женского влагалища своей разгоряченной любвеобильной любовницы. Но уже осторожнее, стараясь не причинять боли, кроме удовольствия моей любимой. Вцепившись тоже, своей правой рукой, в длинные смоляного цвета Джейн волосы. Раскинутые вширь по сторонам по пальмовым листьям, как и ее ноги. Пригвоздил силой, запрокинув вверх, сжатыми пальцами в мертвой безумной хватке ее девичью любовницы моей черноволосую головку, придавливая ее как к постельным подушкам. Сделав опору девой рукой, у ее лежащего среди широких пальмовых листьев милovidного перекошенного от любовной оргии черненького в загаре закатившего в экстазе сладостного любовного безумства черные как ночь глаза девичьего личика. Сжав судорожно пальцы руки в кулак, я всаживал туда и обратно, без остановки, свой до предела возбужденный мужской торчащий как стальной стержень детородный член все глубже в девичью промежность. Целуя свою Джейн в страждущие поцелуев, девичьи, в сладостном сексуальном стоне открытые в оскале белоснежных зубов губы. Целуя жадно и жарко в ее нежные смуглые щечки и украшенные колечками золотых сережек, аккуратненькие девичьи ушки. И закатив, так же, как и моя Джейн, свои синие с зеленым оттенком глаза. Кусал своими оскаленными в надрыве сдавленного тяжкого, но восторженного со стоном дыхания зубами, за торчащие черные груди твердые от возбуждения соски, переходя в жарких и горячих безумных поцелуях на ее тонкую изящную девичью шею.

Как она стонала! И как стонал от любовной нашей взаимной оргии я! Когда с остервенением Джейн болезненно тоже кусала моей груди, торчащие от возбуждения, почерневшие от

солнечного загара мужские соски!

Мы были просто обреченные на любовь!

Помню, как я опять обильно многократно кончил, и кончила она. Прямо здесь на этих пальмовых листьях, хрустящих листвою под нашими бьющимися в соитии друг о друга разгоряченными от любви телами.

Так же, как и на яхте, тогда в нашу первую любовную встречу. Тогда под стук о стенку борта деревянного изголовья и скрип ее постели, в ее девичьей каюте, когда я повредил от неосторожности в неумной сексуальной страсти по-женски ее мою любимую Джейн. Я не описывал тогда нашу первую оргию страстной любви. Поскромничал.

Теперь было все иначе. Теперь было все по-другому.

Я был осторожен и аккуратен, хотя также не мог сдерживать свои неуправляемые любвеобильные чувства к своей возлюбленной.

Немного прейдя в себя и отдохнув мы вновь слились в жаркой страсти не жалея в этой дикой безумной любви друг друга. Занимаясь любовью, мы и не заметили, как устав до изнеможения от взаимных любовных ласк, в жарком мокром скользком поту, источая с разгоряченных обнаженных наших тел в холодном воздухе пар, уснули в этих пальмовых листьях, и как незаметно уже настало новое утро. Утро в этой пальмовой рыбацкой хижине.

Выскочив нагишом их пальмовой рыбацкой хижины, мы, хохоча друг вдогонку за другом, бросились в прибрежные снова волны, смывая в соленой морской воде свой жар и пот ночной любви.

***

Дэниел тоже провел ночь с молодой девчонкой. С островитянкой. Он был молод и полон сил и присмотрел себе, такую, же молодую из местного племени девицу. Он провел с ней всю ночь на нашей яхте. А мы с Джейн только что вернулись назад довольные проведенной ночью.

Утро было тихое. Даже прибой как-то заметно утих, и не было сильно слышно шума волн. Только легкое их шуршание о прибрежный песок.

— Не замерзли? — поинтересовался Дэниел, глядя на нас мокрых все еще от воды у меня и своей сестренки — Ночь была на редкость холодная от ветра с океана — он стоял под еще горящими всеми палубными и бортовыми огнями Арабеллы.

— Да нет — произнесла кокетливо ему, играючи, за меня сама Джейн, подымаясь по мостку у деревянной пристани рыбаков на Арабеллу — Но мы грели друг друга, и нам было даже жарко Дэни.

— Понятно — произнес, улыбаясь, он — Я тоже не плохо ночь провел.

Он стоял, глядя на нас, взбирающихся на палубу вместе с молодой совсем девчонкой туземкой, одетой в тряпичное легкое белое платьице. Девчонкой, тоже смуглой и загоревшей, как и моя Джейн.

— Сколько уже время Дэни? — спросила Джейн.

— Уже все десять — ответил Дэниел.

Джейн прошла мимо ее и Дэниела, оценивая искоса своим черным взором полюбившуюся Дэниелу аборигенку.

— Как тебе она Джейн? — спросил вдруг Денни у Джейн — А тебе Володя? — он перевел вопрос и на меня.

Тут Джейн обернулась резко и сказала — Пойдем милый, не задерживай молодых с

расставанием — она оценивающе смотрела на молодую такую же, как и сама девицу — Пора принять душ, мы так долго и жарко любили друг друга.

Аборигенка, думаю, ни понимала, ни слова.

— «Ты погляди, какая ты моя Джейн!» — подумал я, проходя мимо Дэниела и островитянки и показывая рукой с поднятым пальцем, что все отлично — «Ты гляди, как себя она уже повела! Вот так Джейн! Толи в шутку от отличного взбодренного моим членом настроения, толи еще как?! Наверное, из-за меня. Из-за моих косых взглядов на туземку девочку моих синих с зеленою глаз?!».

— Ну, давай же! — она с нетерпением схватила меня за руку и сдернула буквально вниз к каютам в коридор по направлению к душе.

— Вздумал пялиться уже на другую! — возмущенно произнесла Джейн.

— Ах, ты, моя ревнивица! — я ей сказал — хлопнув ладонью руки по Джейн круглой загоревшей до черноты сексуальной попке, спускаясь с палубы вниз к каютам — Ты присвоила уже меня себе! И ревнуешь! — снимая свои на ходу перепачканные песком светлые моряка брюки.

— Ты теперь мой — сказала она, мне беря их и бросая в стирку — Пока будут крутиться рядом всякие прочие девки — ответила, игриво со мной от шлепка, но с намеком Джейн — Я не спущу с тебя глаз.

Джейн, серьезно это произнесла и стянула мои с меня плавки, любуясь, сверкая восторженно своими черными, как ночь глазами, моим мужским детородным достоинством. Она сбросила с себя все, что было на ней, и тоже отправив в стирку, схватила быстро меня снова за правую руку своей левой рукой за запястье пальчиками и потащила в душ. — Но это не мои девки! Джейн! — умоляюще смотря на свою любовь, произнес, уже в душе Джейн я.

— Вот именно не твои! Вот и не смотри! — ответила моя ненаглядная Джейн, вполне серьезно, мыля меня и себя заодно в парящей горячим свежим паром воде, я как ребенок сейчас, повиновался своей любимой. Она заботливо словно моя родная мать мыла меня в горячем душе, протирая и мыля каждый клочок моего почти уже такого же загорелого, как и у моей Джейн тела.

— И вообще пора с якоря сниматься — произнесла моя Джейн — Дэниел загостился на этом острове и, наверное, забыл, зачем мы здесь. Дэни со своими подружками всегда долго расстается.

Джейн вытолкнула нагишом вымытого девичьими любящими руками меня мокрого из душа и сама выскочила оттуда, закрывая воду.

— Иди и скажи ему милый, что нам пора уже в дорогу — сказала, мне Джейн и, прильнув плотно голым почти черным загорелым, сладко пахнущим свежее вымытым мокрым девичьим гибким телом ко мне, обняв руками за шею, она посмотрела мне пристально и обворожительно любовно в глаза.

Довольная нашей проведенной той дикой и безумной в прибрежном плетеном амбаре, на пальмовых листьях двух любовников ночью. Она снова впилась жадно губами в мои губы, и, еле оторвавшись припеваючи какую-то роковую мелодию, быстро обтерев меня длинным банным полотенцем как, словно, малолетнего ребенка, обернувшись быстро и голая, обтираясь сама, проскочила как ретивая быстроногая лань в свою каюту и оттуда крикнула — Буду скоро готовить завтрак! Просьба далеко не разбегаться! — и в трюме, сотрясая переборки кают и отсеков внутри, где каюты нашей Арабеллы, заиграла группа «Motley Crue».

Обреченные на любовь

Мы снова были в открытом океане. Дэниел простился со своей ветреной подружкой островитянкой, пообещав к ней вернуться после плавания. Так обычно поступают закоренелые моряки, но делают все с точностью, до наоборот. Может Дэни и в правду девчонка понравилась, но это только осталось ему известно. Он вытравил на длинной цепи бортовой правый якорь и веревки с пристани и уже суетился с оснасткой Арабеллы наверху, бегая взад вперед по палубе яхты.

Мы шли южнее Багамских островов. Туда куда вообще никто не заглядывал. Ни корабли ни яхты. Преследователей не было видно вот уже больше суток. Был ясный хороший с хорошей погодой день. Я

отдыхал, сменившись от управления яхты, и она опять по приказу компьютера за дверью винного полированного шкафа шла автоходом, лавируя и гудя и хлопая на ветру парусами и кливерами то влево, то вправо, меняя каждый раз свой курс. Помню, как гудели и скрежетали в натяжение струной нейлоновые с металлизированной основой тросы. Как раскалилась на горячем солнце красная нашей яхты палуба. И по ней не возможно было ходить босиком.

Было на часах час дня.

Дэниел научил меня работать с компьютером и автоматическим управлением Арабеллы. Я вероятно об этом уже говорил и еще раз повторю. Это было не сложно. А я его подтянул по морским картам, и уточнил местоположение предполагаемой гибели рейса 556. То была сеть из небольших совсем необитаемых скалистых населенных одними альбатросами островков, где и спрятаться, почти нельзя было от бури, как и от вероятных врагов.

Я помню, как нас в этом последнем двухдневном походе сопровождал по борту Арабеллы целый косяк макрели и стайка шустрых и вертких

белобоких дельфинов. Дельфины, подныривая под яхту, и выскакивали из воды у самого ее носа и обливали в падении нас с Дэниелом океанской водой.

— Вот непоседы! — кричал мокрый от этих брызг довольный и счастливый такими игривыми попутчиками Дэни — Наверное, до конца будут с нами теперь!

Он показал мне стоящему рядом с ним у самого волнореза с выгнутыми и натянутыми, как парашют косыми кливерами на вожака стаи — Это все он баламутит! Зараза! — он засмеялся, а с ним и я.

хохотал на весь океанский простор, глядя на балующихся перед нами в стае макрели дельфинов.

— Когда шли мимо Гаваев видели касаток и серых китов — произнес громко Дэниел, любуясь игрой прыгающих дельфинов перед носом нашей яхты.

Помню, как выскочил также высоко серебрящийся на ярком полуденном Солнце полосатой чешуей с острым, как бритва гребнем

плавником на спине остроносый скоростной марлин. Он, в погоне за макрелью, просто вылетел, впереди нас на скорости из воды, проплясав на хвосте перед нами свою красивую сальсу. И, оставляя громадный водяной бурун, ушел как подводная лодка в океанскую глубину.

Мы были уже вторые сутки в открытом океане, и не было вокруг нас никого. Далеко оставив за собой обитаемый рыбацкий островной архипелаг, мы шли в южном направлении к безымянным необитаемым островам.

По морской карте и карте перелетов авиакомпании «TRANS AERIAL», где-то именно здесь и

должен был упасть борт 556. Я с Дэниелом и Джейн сравнивали обе карты и делали свои предположения его гибели над этим районом. Он сделал странный большой и непонятный маневр, по своему сообщению, возможно уклоняясь от чего-то, вполне возможно от непогоды и связь с ним пропала над теми островами. Это был приличный многокилометровый крюк и очень далекий от авиационных маршрутов. Случилось что-то, что его сюда могло занести. И мы были все вместе уверены, что мы узнаем его тайну и тайну гибели более четырехсот человек и экипажа BOEING — 747.

Дэниел и Джейн очень хотели узнать, где упокоился их родной отец и узнать, кто виноват в его смерти, как и смерти всех кто был на этом погибшем и пропавшем в океане самолете.

***

Странно, но преследователи словно пропали. Их и духу казалось, уже не было нигде. Дэниел готовил свои новые к спуску под воду акваланги. Я помогал ему в его работе и нес в основном вахту в управлении Арабеллой и ее оснасткой, уже не хуже Дэни. Моя красавица Джейн занималась со мной любовью то в своей, то в моей каюте и готовила нам на камбузе еду. Там по-прежнему грохотала рок-музыка моей любимой Джейн. Иногда ее сменял сам Дэниел. Я тоже стал в помощь приобщаться к общей кухне и стал помогать хоть иногда, моей Джейн в готовке и другу Дэниелу.

— Смотрите! — прокричала, радостно Джейн выйдя наверх на палубу и показывая нам с Дэниелом на воду чуть поодаль от яхты — Дельфины!

— Правда, красавцы сестренка! — прокричал ей Дэниел.

— Правда Дэни — ответила, крича, перекрикивая шум волн моя Джейн. Она, пританцовывала, виляя красивой своей попкой и крутыми загорелыми бедрами, снова была одета в легкие короткие джинсовые летние шорты, плотно обтягивающие ее крутые загоревшие до черноты девичьи, блестящие на солнце бедра. Джейн была в топики. Майке укороченной до ее изящного, загоревшего с круглым красивым сексуальным пупком. Ее распущенные ранее после очередной ночной любви со мной, длинные локонами черные, как смоль волосы развивались снова как змеи на сильном попутном ветру из-под красной с козырьком кепки-бейсболки. И блестели на ее маленьком девичьем личике.

Моя красавица Джейн оперевшись о защитные перила лееров борта, выгнувшись в спине как дикая кошка. Гибкая и безумно снова красивая

смотрела и смеялась, глядя на прыгающих из воды с левого борта Арабеллы стайки белобоких тихоокеанских дельфинов.

— Они словно ведут нас! — прокричала, громко снова Джейн нам двоим, копошащимся у водолазного оборудования яхты.

— Они берегут нас от опасности! — прокричал ей Дэниел.

— Дельфины это дети моря! — добавил я и посмотрел на свою Джейн, многозначительно намекая о детях. Она посмотрела, не снимая очков на меня, и повернулась лицом снова к океану.

Джейн знала, о чем я говорил. Мы завели речь прошлой ночью в момент отдыха между ласками о детях. Джейн сама завела этот разговор, и я его поддержал. Она хотела стать матерью, как и ее с Дэниелом давно уже покойная мать. Она хотел детей, и хотела от меня. Но это только все после того как все будет сделано. Она знала, что скоро возможно забеременеет, и я буду отцом ее детей. Это просто неизбежно, без презервативов и противозачаточных средств, но любовь штука безумная и Джейн не могла с собой ничего поделаться. Женщина есть

женщина! — Любовь и погубит меня — тихо как-то сказала она мне, океанской на волнах ночью, лежа со мной и обняв меня в постели в своей каюте — Я хочу уберечь тебя от ее последствий.

Я тогда не понял свою Джейн. Совершенно не понял в чем и почему?

— Я закружила тебе голову любимый мой. Я погублю тебя и себя такой безудержной любовью. Твое сердце не сможет уже полюбить никого кроме меня, и я это знаю любимый.

Джейн действительно понимала о чем говорит, от того что знала о своей гипнотической безукоризненной женской красоте и боялась окончательно меня свести к полному сексуальному безумию. Она видела,

как я превращаюсь в нечто дикое и неуправляемое в момент нашего с ней секса и хотела меня предупредить этим. Она и сама была уже больна мной и не могла ничего с этим поделать. Любовь с первого взгляда! Единственная такая любовь и взаимная неуправляемая между нами страсть несла нас наобум по Тихому океану и куда все это нас вынесет, мы понятия не имели. Эта обреченная любовь! Наша любовь!

— Но любовь с тобой это безумное счастье для меня как мужчины! — произнес я, целуя ее в губы — Я души в тебе не чаю и счастлив, что у меня такая шикарная женщина! Мог ли я мечтать о чем-то еще?! Я готов стать отцом наших общих детей Джейн. Хоть я русский, а ты латиноамериканка. Я безумно люблю тебя моя малышка! — я смотрел на нее сейчас на палубе стоящей у бортовых перил левого борта Арабеллы и думал об этом разговоре.

Все чего она теперь хотела, чтобы я стал ее мужем. И я не собирался отступать и разуверить девицу в этом.

Джейн боялась теперь за себя и за нас обоих теперь. Она рассуждала и как женщина уже и как будущая мать. Она, была теперь уже не та Джейн, которая была до нашей встречи. Она чувствовала себя уже как женщина, а не как в прошлом девица и собиралась в будущем стать матерью. Я это уже сам видел и Джейн серьезно об этом думала. Она присвоила меня себе, как только я появился на их яхте, и сделала все, чтобы я был ее мужчиной.

Безымянный архипелаг

Вот уже третьи сутки наша яхта Арабелла шла по Тихому океану. Вниз за линию экватора. Яхта шла, сотрясаясь всем корпусом на обоих винтах, днищем и килем бороздя под собой океанские волны. Опустив свои все паруса. Двигатели оба работали как часы в главной каюте Арабеллы. Которые показывали три часа по полудню. Строго по компасу на юг. Ветра так и не было, как не проси и приходилось использовать оба двигателя Арабеллы. Ее треугольные парусиновые белые паруса просто болтались на своих креплениях и тросах из металлизированного нейлона, своими белыми полотнищами как обычные тряпки.

Мы с Дэниелом скрутили оба кливера на бушприте нашей яхты. Я помогал Денниелу на палубе целый день и не сводил глаз с моей любимой Джейн.

Она, то рулила попеременно двумя штурвалами, то стояла на самом носу яхты, под солнцезащитной откидной крышей Арабеллы, одев свои от солнца темные очки и как всегда в одном на тоненьких ляпочках полосатом либо желтом купальнике.

Моя Джейн! Ты присвоила меня себе, как только я появился на этой круизной твоей с Дэниелом яхте. Меня вечно одинокого никому не нужного мужчину. Мужчину мечтающему всю жизнь о достатке и тихой

мирской жизни. Жизни где-нибудь на берегу моря или в домике на краю таежного леса.

Моя ненаглядная Джейн! Я не сводил с тебя глаз, и ты глядела на меня ласковым нежным

взглядом своих обольстительных черных как бездна океана девичьих глаз.

Моя красавица Джейн! Моя морская пиратка! Пиратка Тихого океана! Этакая новая Энн Бони! Моя Энн Бони!

Она стояла, пританцовывая под гремящую из кассетного магнитофона на весь океан свою рок-музыку на палубе, и смотрела в открытый океан и на стаю несущихся параллельным с нами курсом тихоокеанских белобоких дельфинов.

Те не отставали ни на шаг от Арабеллы, и давали о себе знать время от времени, появляясь то с левого борта, то с правого борта нашей

быстроходной парусно-винтовой белоснежной красивой, как и сама моя Джейн яхты.

С учетом той скорости, с какой шла на юг наша Арабелла, мы должны были быть уже вблизи тех скалистых безымянных островов. Если верить двум картам, то мы были уже на подходе к ним.

Как назло я простыл и разболелся. У меня проявилась лихорадка. Никогда я еще так ни болел. Наверное это еще после того купания с Джейн на том тропическом пляже. Возможно, простыл на ночном ветру, и даже водка не помогла.

У меня скакнула высокая температура, и я слег в своей каюте заботливо охаживаемый своей ненаглядной Джейн. Джейн вообще боялась, что я подцепил тропическую лихорадку. Возможно из-за неприспособленности к таким условиям периаклиматизации.

— Надо было сделать прививку — сказала мне моя Джейн — Мы как-то про это забыли с тобой мой любимый. Но я, ни на шаг не отойду от тебя, пока тебе не станет лучше — она ласкала руками меня и прижимала к

своей пышной голой нежной женской груди. Она грела меня собой всего трясущегося в дикой дрожи и лежала все время со мной в постели.

Я помню, бредил и меня рвало. И я ползком доползал до туалета рядом с душем по коридору между каютами. Словно получил какое-то

отравление. Может я и вправду отравился? Например, морепродуктами. Может это и не простуда совсем? Хапнул ядку от какой-нибудь рыбешки с нашего рыбного кухонного стола. Запросто. Мне вот и досталось. Я был похож на ватную игрушку на своих подкашивающихся ногах и, помню даже, падал ослабленный на пол своей каюты, в бреду пытаюсь в одиночку встать с постели и дойти до туалета.

Это могла быть и инфекция. Как сказала моя красавица Джейн, делая предположения моей болезни. Мог от кого-нибудь из рыбаков заразиться тогда еще у того праздничного костра в кругу туземцев. Но только, что-то долго во мне это пробуждалось. Да и намеков на заболевание, ни каких до сего момента не было.

— Значит просто отравление — сказал сестренке Дэниел, глядя на мой с высокой температурой градусник — Просто Володя отравился, чем-то здесь из нашей еды.

— Да, так все же отравление — произнес, весь дрожа от лихорадки я — Выбыл я похоже на время из игры Дэни. Это тот вяленый лангуст с креветками, боком мне вылез — я добавил, корчась на кровати перед Джейн.

— Я его оставила там, на берегу вместе с той сумкой милый — она вдруг вспомнила — Точно мы там тогда все оставили, после той нашей в пальмовой плетеной рыбацкой избушке. Все даже бокалы и недопитое вино, и твою водку Володя. Ты ее в сторону отбросил, и мы ее забыли.

— Вернемся когда — произнес я — Надо будет ее отыскать.

— Ее там уже, наверное, местные распили, если нашли в том сарае — произнесла Джейн — Забудь.

— Ничего не переживай — произнес мне, улыбаясь Дэни, рассматривая острова в бинокль — Все будет нормально. Ты сильный и крепкий, ты поправишься. Как раз к прибытию на место поправишься. А вина и водки на нашем борту, как и всего другого, еще хватит туда и обратно.

Ближе к пяти восьми заметно вечерело, и день сменился как-то снова красным закатом. Снова был включен бортовой корабельный и палубный свет. Джейн же включила его в трюме в каютном коридоре.

***

Меня рвало всю ночь, и я порой не вылезал из туалета. Не мог даже просто, элементарно, как мужчина побриться и еле, еле таскал свои заплетающиеся слабые ноги. Я был под полным сменным присмотром то Дэниела то моей Джейн. Я не мог нести вообще вахты, и эта обязанность полностью легла на них. Они посменно меняли друг друга то наверху у руля Арабеллы, то у меня внизу в каюте.

Мне было все это неудобно, причем крайне, но я не мог ничего с собой поделать. Странная такая вот болезнь. Причем не объяснимая совсем. Так я провалялся еще суток двое. И даже не знал, что мы уже прибыли на нужное место. Но я пришел в себя. Также быстро как заболел. Температура сама куда-то исчезла, и я к удивлению моих друзей был здоровей здорового. Полон сил и эмоций и готов был к любой работе. Особенно подводной. Так я провалялся еще суток двое. И даже не знал, что мы уже прибыли на нужное место. Но я пришел в себя. Также быстро как заболел. Температура сама куда-то исчезла, и я к удивлению моих друзей был здоровей здорового. Полон сил и эмоций и готов был к любой работе. Особенно подводной.

Я помню, проснувшись в полной тишине своей каюты и слыша только шум удара волн о корпус Арабеллы, да крик альбатросов и чаек, соскочил быстро с постели. Глотнул свежего морского воздуха из открытого оконного иллюминатора в своей каюте и поднялся тихо босиком в своих матросских брюках и белой майке на палубу Арабеллы. Был уже снова вечер и небо быстро темнело.

Яхта стояла уже на якоре, среди двух островов, торчащих обрывистыми скалистыми утесами как занозы в океане. Они действительно были необитаемы и кроме чаек и альбатросов на них никто не селился.

Вокруг них были еще несколько островов, но меньше и поровнее. Но тоже из камня и кораллов окружавших их большим как огромный атолл кольцом. Это место было более глубоким, чем тот атолл, и Дэниел легко без проблем ввел в эту островную сравнительно большую бухту нашу Арабеллу.

Было снова восемь часов, и мы стояли уже внутри этого большого кораллового кольца на глубоководье, защищенные этим всем от возможной непогоды и от штормовых волн. Дэниел вместе с Джейн загнал Арабеллу сюда и отсюда мы должны были начинать свои поиски.

Где-то здесь должен был лежать борт 556. Или то, что от него осталось. Здесь где-то в районе этих островов. Даже возможно внутри этого странного скалистого кораллового атолла. За его пределами были огромные до двух и более километров глубины, обрывающиеся сразу практически пропастями от края островов в бездну океана. Там хоть ищи, хоть не ищи. Не найдешь.

Я, обросший на лице не бритой щетиной, подошел тихо босиком со спины к Дэниелу и моей

красавице и любовнице Джейн.